

Н. А. Миненко

**БРАК У РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
И СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В дореволюционной историографии существовала концепция, согласно которой до второй половины XIX в. в русском крестьянстве был распространен взгляд на брак как на дело «простого хозяйственного расчета»¹. Между тем утилитаризм в качестве ведущего принципа выбора супруга, безусловный приоритет экономических мотивов брака следует считать явлениями, свойственными социальной практике капиталистического общества. В эпоху феодализма, когда общественные отношения людей лишь частично опосредовались отношениями вещей-товаров, в структуре мотивов брака часто на первый план выдвигались моменты социально-этического порядка. Всестороннее исследование брака в интересующий нас период подтверждает этот вывод.

Обратимся, в частности, к материалам, характеризующим брак у русских крестьян и служилых людей южных районов Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Подобные локальные исследования — неизбежный этап в решении ставшей в последнее время весьма актуальной задачи — создания монографического труда по истории брака и семьи в дореволюционной России.

Без обращения к проблеме брака — одного из важнейших социальных институтов всякого общества — невозможно вести речь о воссоздании социально-психического климата феодального общества, об изучении процесса воспроизводства населения. Между тем советские специалисты, проявляя все увеличивающийся интерес к формам семьи в названную эпоху², как правило, рассматривают их вне связи с существовавшими формами брака³.

Говоря конкретно о формах брака у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в., приходится отметить почти полное отсутствие внимания к ним в работах наших сибиреведов, в том числе и в интереснейшей статье

¹ С. С. Шашков, Исторические судьбы женщины, Собр. соч., т. 2, СПб., 1898, стб. 40.

² В. А. Александров, Черты семейного строя у русского населения Енисейского края, «Сибирский этнографический сборник», т. III, М.—Л., 1961; его же, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; З. Я. Бояршинова, Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода, «Вопросы истории Сибири», вып. 3, Томск, 1967; Н. А. Миненко, Русская семья на Обском севере в XVIII — первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1971, № 6; ее же, Численность и структура русской крестьянской семьи Юго-Западной Сибири в XVIII в., «Бахрушинские чтения 1973 г.», вып. II, Новосибирск, 1973; Е. Н. Бакланова, Хозяйство крестьян Вологодского уезда в последней четверти XVII — первой четверти XVIII в., Автореф. канд. дис., М., 1972; В. Д. Назаров, Ю. А. Тихонов, Крестьянский и боярский двор в светских владениях первой половины XVII в. «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. 1, М., 1972.

³ В некоторых работах (В. А. Александров, Н. А. Миненко) затрагиваются отдельные вопросы, касающиеся форм брака.

З. Я. Бояршиновой «Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода». Дореволюционные исследователи, в частности Д. Н. Беликов, Н. А. Костров, С. И. Гуляев, Г. Н. Потанин, сумели собрать значительный материал, характеризующий брак у русских в Верхнем и Среднем Приобье в XVIII — первой половине XIX в.⁴ Особенно ценны наблюдения С. И. Гуляева над свадебными обрядами у русских, населявших в первой половине XIX в. территорию Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, и этнографические заметки Г. Н. Потанина по поводу «беглых свадеб» у поселенцев долины Чарыша. Попытки Д. Н. Беликова и Н. А. Кострова дать обобщенную характеристику «семейственного права» (в том числе форм брака) у южносибирских крестьян оказались неудачными вследствие одностороннего подбора фактов и тенденциозного их истолкования: авторы абсолютизировали отдельные уродливые явления в «домашнем быту» сибиряков, создав несправедливое, на наш взгляд, мнение, что «брачный вопрос был чуть ли не самым жгучим делом» в крае в эпоху феодализма⁵. Вместе с тем названные исследования представляют для современного специалиста источниковедческую ценность. Д. Н. Беликов и Н. А. Костров изучали местные архивы и извлекли из них целый ряд интересных документов, носивших, правда (в особенности для XVIII в.), преимущественно случайный характер.

В силу вышеизложенного исследование истории брака у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в., хотя и предполагает привлечение опубликованных дореволюционными авторами данных, но в основном может строиться лишь на архивных материалах. Главным источником при этом являются метрические книги.

Использованные нами метрические книги из коллекции Государственного архива Новосибирской области (далее — ГАНО, фонды 92, 117, 172) относятся к разным церковным приходам и к разным годам XVIII — первой половины XIX в. и имеют достаточно стабильную форму; они состоят из трех разделов (отсюда название — «метрики троечастные»), в которые соответственно занесены сведения о родившихся, сочетавшихся браком и умерших. Во второй части документа содержатся данные о месте и времени венчания; месте жительства, сословной принадлежности венчавшихся. Сообщаются имена, отчества и фамилии (иногда и возраст) жениха и невесты; сведения о том, в какой по счету брак вступал каждый из них. Указываются имена поручителей.

Необходимые данные для нашего исследования (время вступления в брак, возрастные различия у супругов, прочность браков) можно почерпнуть также из переписных и дозорных книг и исповедных росписей. Переписные и дозорные книги, хранящиеся в фонде Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов (далее — ЦГАДА), относятся к начальным годам XVIII в. Сопоставление их с данными исповедных росписей (ГАНО, ф. 92) позволяет представить явление в динамике, так как привлекались росписи за 70-е годы XVIII столетия. При всех недостатках церковной и гражданской статистики XVIII — первой половины XIX в. (постоянный недоучет жителей, искажение имен и фамилий регистрируемых, названий деревень и т. д.⁶) результаты ее обработки будут довольно близки к действительности преж-

⁴ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-населенники Томского края и различные особенности в условиях их жизни и быта (общий очерк за XVII и XVIII столетия), Томск, 1898; Н. А. Костров, Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии, Томск, 1876; С. Гуляев, Этнографические очерки Южной Сибири, «Библиотека для чтения», т. 90, отд. III, СПб., 1848; Г. Потанин, Полгода в Алтае, «Русское слово», 1859, №№ 9, 12.

⁵ Д. Н. Беликов, Указ. раб., стр. 92.

⁶ Недостатки этого учета отмечались уже современниками: «А как... деревня Верхиленска по духовным росписям показана Чупиной да и самая женка Архипова написана Ириной, а не Федорой Семеновой, для того подтвердить, чтоб впредь описи о

де всего потому, что не существовало причин, которые могли бы побудить священников, сельских старост, местных дворян и детей боярских, ведущих учет населения, к сознательному и систематическому искажению интересующих нас данных.

Менее объективны источники судебно-следственного порядка (извещения, прошения, «доношения» различных лиц, протоколы допросов и пр.). Однако в большинстве случаев нами использовались косвенные сведения из этих документов, не относящиеся непосредственно к пунктам обвинения, сведения, аутентичность которых с бесспорностью вытекает из самого их содержания.

В сибиреведческой литературе стало обыкновением ограничиваться при изучении демографических процессов данными о мужском населении⁷. Имели, видимо, значение не только ведущая роль мужчин в колонизации и хозяйственном освоении края, но и более точный учет мужского населения в дореволюционный период. Лица женского пола не облагались подушной податью, а потому власти менее интересовались результатами их переписи. Не удивительно, что утверждения авторов XVIII—XIX вв.⁸ о существовании в прошлом на территории Юго-Западной Сибири значительных диспропорций бракоспособного контингента (вследствие недостатка женщин) пока в полной мере не опровергнуты. «В Томском уезде лежащая селения... самая беднейшая и населены неспособнейшими людьми. Во всех сих селениях имеют также недостаток в женщинах, почему большая часть молодых людей, будучи без жен, во многие пороки вдаются...», — пишет П. С. Паллас, посетивший Томск в 70-х годах XVIII в.⁹ Между тем анализ переписных и дозорных книг показывает, что уже в первые годы XVIII в. основная масса русского населения Томского уезда жила семьями¹⁰. Для более позднего времени имеются прямые данные о соотношении мужского и женского населения в уезде. В 1773 г., например, в приходе Чаусской Богоявленской церкви состояло 1868 душ мужского и 1901 — женского пола¹¹, Кривошековской Николаевской — 588 душ мужского и 551 — женского пола¹². В 1777 г. в приходах той же самой Чаусской Богоявленской церкви состояло соответственно 1881 и 1890 душ, Крохалевской Введенской — 1090 и 909, Умревинской — 552 и 515 душ¹³. В других приходах уезда диспропорция в числе мужчин и женщин также, судя по данным Д. Н. Беликова и И. П. Фалька¹⁴, не была значительной. Последний, в частности, сообщает, что в 1771 г. в Томском и Кузнецком духовных заказах состояло 30 825 жителей мужского и 30 620 — женского пола; в Тарском и Омском соответственно — 18 229 и 17 896 душ; в Барнаульском — 20 393 и 17 043;

прихожанах сочиняемы были верно и справедливо», — писал, например, в 1796 г. барнаульский протоиерей Иоанн Пеунов (ГАОН, ф. 92, оп. 1, д. 88, лл. 27—27об.). Исполненные росписи составлялись ежегодно и также по определенной форме: в них поименно и по домам (иногда и по селениям) перечислялись прихожане обоего пола с указанием их сословной принадлежности, возраста, отношения к главе дома, посещения исповеди и причастия.

⁷ См., например: В. М. Кабузан, С. М. Троицкий, Движение населения Сибири в XVIII в., в сб. «Сибирь XVII—XVIII вв.», Новосибирск, 1962; и х же, Численность и состав городского населения Сибири в 40—80-х годах XVIII в., в сб. «Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.)», Новосибирск, 1968; А. Д. Колесников, Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII—XIX вв., Там же; М. М. Громыко, Западная Сибирь в XVIII в., Новосибирск, 1965, и др.

⁸ П. С. Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина 2-я, СПб., 1788; Д. Н. Беликов, Указ. раб.; С. С. Шашков, Очерки русских нравов в старинной Сибири, «Отечественные записки», 1867, т. 174, кн. 10.

⁹ П. С. Паллас, Указ. раб., стр. 5.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1279 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 3—64 об.; кн. 1371 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 2—590.

¹¹ ГАОН, ф. 92, оп. 1, д. 30, л. 36.

¹² Там же, л. 72.

¹³ Там же, лл. 400 об., 475, 506, 545.

¹⁴ Д. Н. Беликов, Указ. раб., стр. 91—92; «Записки путешествия академика Фалька», «Полное собрание ученых путешествий по России», т. 6, СПб., 1824, стр. 409—412.

в Краснослободском, Ялуторовском, Ишимском и Демьянском — 60 274 и 62 770. В последующие годы ситуация, видимо, изменилась мало. По официальным (заниженным — в особенности для женского населения) данным, в 1837 г., например, в Томской губернии числилось 29 409 душ мужского и 26 180 — женского пола¹⁵. В Ялуторовском округе Тобольской губернии к середине XIX в. женское население (крестьяне и мещане) преобладало над мужским: 55 210 душ против 49 988¹⁶.

Таким образом, если в отдельных приходах Юго-Западной Сибири и могли возникать временные диспропорции числа мужчин и женщин, то в целом по региону демографическая ситуация (в смысле возможностей вступления в брак) была достаточно благоприятной.

Анализируя «семейственное право» томских крестьян-старожилов, Н. А. Костров, в частности, пишет: «...родители, надеясь всегда иметь женихов для своих дочерей (ввиду недостатка женщин. — Н. М.), на беспорядочную жизнь своих детей смотрят весьма снисходительно, о чести женщины здесь нет возвышенных понятий...»¹⁷. С. С. Шашков высказывается еще более определенно: «Малочисленность женщин в Сибири... вела к страшному развитию разврата»¹⁸.

Источники XVIII — первой половины XIX в., относящиеся к Юго-Западной Сибири, позволяют говорить о несостоятельности не только первой, но и второй части рассуждений Н. А. Кострова и С. С. Шашкова. Народная этика интересующей нас эпохи сурово осуждала «незаконное» (с точки зрения крестьянского и служилого общества) сожительство. Случаи его, разумеется, были, но виновные старались встречаться «по-таенно... и в скрытых местах»¹⁹. «Разоблачение» этих лиц грозило величайшим бесчестьем не только им самим, но и их родителям и родственникам²⁰.

Ошибка дореволюционных исследователей, писавших о преступной «свободе нравов» в феодальной Сибири, заключалась как в абсолютизировании отдельных фактов (взятых из судебных дел и подтверждающих их концепции), так и в непонимании нравственных и моральных норм, существовавших в сибирской крестьянской и служилой среде и регулировавших брак. Нормы эти, как будет показано ниже, не вполне согласовывались с церковным правом.

«Супружество, — учила христианская церковь, — или законный брак есть вещь святая...»²¹. Сочетание браком производил приходской священник, «...венчание же и брачное благословение ни от кого прияти им (жениху и невесте — Н. М.) достоит, точю от самого своего приходского священника или от иного священника, повеление от него имеющего...»²². При этом в брак разрешалось вступать: жениху по достижении 15 лет, невесте — 13 лет²³. Позднее, в 1830 г., вышел закон, устанавливавший для жениха минимальный возраст — 18 лет, для невесты — 16 лет²⁴. Согласно Кормчей книге, основному источнику русского брачного права,

¹⁵ П. И. Небольсин, Заметки на пути из Петербурга в Барнаул, «Отечественные записки», 1849, т. 65, № 8, стр. 183.

¹⁶ «Ялуторовский округ губернии Тобольской», «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 15, СПб., 1846, стр. 246.

¹⁷ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 12.

¹⁸ С. С. Шашков, Сибирское общество накануне своего юбилея, «Дело», 1879, № 3, стр. 298—299.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 50, л. 2.

²⁰ Там же, ф. 833, оп. 2, д. 27, лл. 2—2 об.; ГАНУ, ф. 105, оп. 1, д. 14, лл. 163—164 об.; ф. 109, оп. 1, д. 7, л. 432.

²¹ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА), ф. 796, оп. 4, д. 645, л. 43 об.

²² Там же, л. 42 об.

²³ В. И. Семевский, Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века, «Устои», СПб., 1882, № 2, стр. 75.

²⁴ А. Смирнов, Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа, М., 1877, стр. 119.

исключались браки между родственниками не только по прямой, но и по боковой линиям (по последней — до 7-й степени включительно). Запрещались браки и между свойственниками — до 6-й степени включительно. Правда, указами 1787 и 1810 гг. браки в 5—7-й степенях родства и в 5—6-й степенях «двухродного» свойства допускались, но всякий раз не иначе как с разрешения епархиального начальства.

Препятствием к вступлению в брак служило также родство «духовное» (или кумовство), основанное на «восприятии» от купели при крещении — «восприемники» не могли вступать в брак с «воспринятыми» и их родителями. Только в 1837 г. появился указ, позволявший (тоже с разрешения епархиального начальства) брак между «восприемником» и «восприемницей»²⁵.

Вступающие в брак обязаны были знать молитвы: «верую во единого бога», «отче наш», «богородице действо» и «десятословие» — «еже есть десять божних заповедей»²⁶.

Указ от 3 апреля 1702 г. повелевал за шесть недель до венчания совершать обряд обручения. В эти шесть недель священник выяснял, нет ли между женихом и невестой каких-либо «препятствий» и «подозрительств»: близкого родства, свойства и т. д. Бракосочетание можно было совершать лишь при согласии на него самих брачащихся и их родителей. Требовалось также, «дабы венчание всех браков было в святых церквах от священников вкупе с их церковными причетники...»²⁷. Запрещалось венчать кого-либо в «неуказное» время — утром до литургии, а также поздно вечером и ночью. Кормчая книга устанавливала и «заповедные» календарные сроки «...от дня 14 ноемвриа месяца, сиесть от дня святаго апостола Филиппа, даже до 6 дня иануария месяца, сиесть до праздника богоявления, и от мясопустные недели великаго поста даже до Фомины недели, и от недели всех святых даже до дня 29 месяца июня, сиесть до праздника святых Петра и Павла, и от первого дня августа до 15 дня того же месяца, сиесть до успения пресвятыя богородицы венчания... запрещена...»²⁸.

Вступающие в брак должны были предъявить священнику разрешение — венечную память — от «духовного заказчика» — начальника по духовному ведомству в пределах уезда²⁹.

В брак можно было вступать не более трех раз. Причем третий брак вдовцу или вдове дозволялся только в том случае, если ни от первого, ни от второго не было детей. Третий брак в отличие от первых двух не считался «таинством», и вступившие в него на пять лет отлучались от церкви³⁰.

«Хотя по понятиям церковным, — пишет И. Тютрюмов, — брак считается союзом постоянным, продолжающимся даже за пределами жизни, однако в гражданской жизни допускаются известные способы прекращения брачного союза...»³¹. Основанием к разводу могли служить: неспособность одного из супругов «к брачному сожителству», «прелюбодеяние» мужа или жены, пострижение их в монашество или «безвестное» долговременное отсутствие.

Нормы церковного брачного права действовали на всей территории страны, в том числе и в Сибири. Однако роль их в быту сибиряков не была особенно велика прежде всего в связи с неудовлетворительным состоянием местного церковного аппарата. «Белым духовенством, —

25 С. В. Па х м а н, Обычное гражданское право в России, т. 2, СПб., 1877, стр. 40—42.

26 ЦГИА, ф. 796, оп. 4, д. 645, лл. 41—41 об.

27 Там же, л. 46.

28 Там же, л. 43.

29 Там же, л. 46.

30 С. С. Ша ш к о в, История русской женщины, СПб., 1879, стр. 120.

31 И. Т ю т р ю м о в, Крестьянская семья. Очерк обычного права, «Русская речь», 1879, кн. 7, стр. 155.

сообщает Н. А. Костров, — старинная Сибирь (имеется в виду XVIII в. — Н. М.) была... бедна, и оно не удовлетворяло самым снисходительным нравственным требованиям»³². Д. Н. Беликов также подтверждает это обстоятельство: «В 1750-х годах на всем Томском пространстве сельских церквей насчитывалось до 40... Поэтому приходы по расстоянию были огромны, и жители множества деревень, отстоящих от церквей на 60, 80, 100 и более верст, у богослужения не бывали, священника видели раз или два в год...»³³. С малочисленностью духовенства связано довольно слабое влияние церкви и ее институтов на крестьянское и служилое население Сибири. Последнему способствовали также отмеченные Н. А. Костровым низкий моральный уровень сибирских священников, небрежное отношение их к своим «пастырским» обязанностям, готовность ради собственной выгоды пойти на любое нарушение канонических норм и правил³⁴.

Данные метрических книг и других источников свидетельствуют о том, что и у крестьян, и у служилых людей Юго-Западной Сибири рассматриваемого времени преобладали поздние браки. В конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. в ведомстве Кривошековской Николаевской церкви (с. Кривошековское Томского уезда и приписанные к нему деревни) сыновья крестьян женились, например, в среднем в 27 лет. Дочерей выдавали замуж в основном в 20 лет³⁵. У крестьян, поселенцев и служилых людей, числившихся в приходе Утковской Троицкой церкви (Каинский уезд), по данным 1827 г., средний брачный возраст лиц мужского пола составлял 22 года, женского — 20 лет³⁶. Крестьяне-прихожане Крохалевской Введенской церкви (Томский уезд) вступали в брак в среднем в возрасте 21—22 лет (1839—1840 гг.), Бачатской Николаевской (Кузнецкий уезд, 1842 г.) — 22 лет, Борисовской Николаевской (Кузнецкий уезд, 1846 г.) — 21 года³⁷. Для более раннего периода наши источники содержат лишь единичные примеры. В 1716 г. кузнецкий «пашенный крестьянин» Иван Климов «высватал за сына своего Прокофья» крестьянскую «девку» Софью Беляеву³⁸. Переписная книга по Кузнецкому уезду за 1719 г. дает возможность установить, что в 1716 г. Прокофью Климову было 37 лет³⁹. В 21 год женится кузнецкий казак Иван Бессонов, в 27 лет — его земляк крестьянин Иван Емельянов (1716 г.) и в 22 года — сын казака Нефедя Носкова — Иван (Томский уезд, дер. Анбинская, 1759 г.)⁴⁰. Наблюдения о позднем вступлении в брак подтверждаются и косвенными данными: в XVIII — первой половине XIX в. в семьях крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири обоим супругам почти всегда было более чем по 20 лет, к тому же зафиксировано немало неженатых и незамужних детей в возрасте 16—20 лет и несколькими годами старше⁴¹. Когда в 1773 г. Колывано-Воскресенское горное начальство затребовало от земских изб списки «девиц... с объяснением» против каждой, почему не выдана замуж, оно не случайно разъяснило,

³² Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 7.

³³ Д. Н. Беликов, Старинный раскол в пределах Томского края, Томск, 1905, стр. 19.

³⁴ См., например, Тобольский филиал Гос. архива Тюменской области (далее — ТФ ГАТО), ф. 156, 1760 г., д. 75; 1765 г., д. 97; 1770 г., д. 62; 1798 г., д. 42; 1797 г., д. 272.

³⁵ Речь идет о времени венчания. Подсчитано по данным: ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 508 об. — 520 об., ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 2—131.

³⁶ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 7, лл. 220—226 об.

³⁷ То же, ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об. — 81 об.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124.

³⁹ Там же, ф. 214 (по описи Н. Н. Оглоблина), кн. 1611, л. 62 об.

⁴⁰ Там же, лл. 59 об., 76 об.; ф. 1134, оп. 1, д. 4, лл. 5—7 об., 127 об.; ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 84; ф. 109 оп. 1, д. 1, л. 275.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1182, лл. 7 об. — 400; кн. 1279 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 3—64 об.; кн. 1371 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 2—590; кн. 1611 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 1—293 об.; ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 1—545.

что имеются в виду крестьянки «от 20-летнего возраста»⁴² (курсив мой.— Н. М.). Следовательно, обычай крестьян выдавать дочерей замуж предпочтительно в возрасте 20 лет и старше был известен местным властям.

Разумеется, встречались отступления от обычая. Случалось, сыновей женили в 14 и даже в 9 лет⁴³—ранее, чем это позволялось законом. В сентябре 1782 г. отставной драгун Елисей Бабушкин жаловался в Бийскую земскую избу на крестьянина Ивана Сергушина, который «воровски по подговору» увел четырнадцатилетнюю дочь Бабушкина—Мавру и обвенчался с ней⁴⁴. Таким образом, в брак вступали иногда в раннем возрасте и девушки. Но эти отдельные факты не меняют общей картины.

«Сибирская девка,—пишет Ив. Мевес, путешествовавший по Сибири в 1858—1861 гг.,—не скоро выходит замуж, желая наперед отпраздновать вволю свое девичество»⁴⁵. Это высказывание Ив. Мевеса повторяет и Н. А. Костров⁴⁶. Однако поздние браки объяснялись прежде всего экономическими факторами. Это, кстати, признает тот же Н. А. Костров: «Причины, побуждающие иногда родителей дольше не выдавать девушек замуж, заключаются большею частию в желании дольше иметь в семействе даровых работников или в недостатках на свадебные издержки»⁴⁷. Особенно неохотно расставались с дочерьми приписные крестьяне и служилые люди, в хозяйстве которых—в силу частых отлучек мужчин на заводские отработки и по делам службы—женский труд имел исключительное значение. При заключении браков учитывалась (как будет показано ниже) взаимная склонность молодых людей, что мешало распространению неравных в возрастном отношении браков. В результате сыновья крестьян и служилых людей также вступали в брак сравнительно поздно. Сами родители предпочитали не отдавать дочерей за «малолетних» женихов, так как это приводило либо к «снохачеству», либо к бегству молодой жены от супруга, либо к другим нежелательным последствиям⁴⁸.

Хотя в отдельных случаях разница в возрасте жениха и невесты была довольно значительной, преобладали браки ровесников и лиц с разницей в возрасте от 1 до 4 лет. Приведем статистические данные: в приходе Крохалевской Введенской церкви (за период 1839—1840 г.) 79% составили браки, в которых возрастная разница между супругами составляла 0—4 года (57 браков из 72). Близкая ситуация наблюдается и в приходах других церквей⁴⁹. Продолжая анализ характера и состава брачного круга жителей, приходится отметить, что у крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. преимущественное распространение имели внутрисословные браки—явление, вообще свойственное феодальной России. Этот вывод сохраняет свое значение и для территорий со смешанным в сословном отношении населением, хотя здесь сословные ограничения при заключении браков соблюдаются менее строго (см. табл. 1—2).

В районе Колывано-Воскресенских заводов встречались браки крестьян и служилых с мастеровыми. Например, в 1762 г. в приходе Захарьевской церкви Барнаульского завода зафиксировано 14 таких бра-

⁴² Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 92.

⁴³ ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 88, л. 196; ТФ ГАТО, ф. 156, 1753 г., д. 194, л. 10.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 34, лл. 616—620.

⁴⁵ Ив. Мевес, Три года в Сибири и Амурской стране, «Отечественные записки», т. 148, кн. 5, стр. 258.

⁴⁶ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 14.

⁴⁷ Там же, стр. 21.

⁴⁸ ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 249.

⁴⁹ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 7, лл. 220 об.—226 об., 327 об.—333 об. 78 об.—85 об.; ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.—162 об. Браки почти исключительно между крестьянами.

Сословный состав браков в приходе Кривошековской Николаевской церкви (Барнаульский духовный заказ) *

Браки	Годы			
	1789—1791	1794—1799	1801—1810	1811—1820
Всего заключено браков	17	89	180	251
в том числе внутрисословных	15	81	174	222
% внутрисословных браков	88	91	97	88,5

* Таблица составлена по данным: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об. 248; ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 16—17 об., 107—108 об., 115 об. — 116. Имеются в виду браки, где минимум один супруг принадлежал к сословию крестьян.

Таблица 2

Сословный состав браков в трех церковных приходах Бийского уезда (1786 г.) *

Типы браков	Число	% ко всем бракам
Внутрисословные	83	75
в том числе оба супруга — крестьяне	37	33
» — из служилых	46	42
Межсословные	27	25
в том числе один супруг из служилых, второй — из крестьян	16	15
один супруг из мещан, второй — из крестьян	1	1
один супруг из служилых, второй — из мастеровых	1	1
один супруг из крестьян или служилых, второй — из аборигенов (алтайцев)	9	8

* Составлена по данным: ГАНО, ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об. — 248; ф. 92, оп. 1 д. 172, лл. 16—17 об., 107—108 об., 115 об. — 116. Жители приходов преимущественно крестьяне и служилые. К служилым в данном случае отнесены служащие казаки, солдаты, «отставные», казаки и солдатские дети, «малолетки».

ков, в том числе 6 межсословных: в четырех из них один из супругов принадлежал к крестьянскому сословию, второй — к мастеровым⁵⁰.

Метрические книги Введенской церкви Новопавловского завода за 1786 г. показывают, что в 10 случаях (из 31) венчались люди, принадлежавшие к разным сословиям, причем в девяти из них один из супругов был крестьянином, второй — мастеровым⁵¹.

Браки с коренными жителями следует считать исключением. Встречались они довольно редко и при этом главным образом в районе расселения алтайских и шорских «племен»⁵². В 1786 г. в 14 приходах Барнаульского духовного заказа было заключено 406 браков⁵³ и только в 10 случаях (приводим дословную их запись) один из супругов принадлежал к «ясашному» сословию⁵⁴.

муж

жена

Дер. Усяцкой «ясашный»
(алтаец) Василий Соколов

Новиковского маяка солдатская дочь

Дер. Ереминской «ясашный»
Максим Салкисбаев

Той же деревни отставного драгуна дочь

⁵⁰ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 12 об.— 13 об.

⁵¹ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 60 об.— 62 об.

⁵² ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 2—52; д. 172, лл. 2—148 об.; д. 7, лл. 30 об.— 58 об.; д. 6, лл. 78 об.— 85 об., 327 об.— 333 об.; ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.— 81 об., 148 об.— 162 об.

⁵³ Имеются в виду браки, где один или оба супруга русские.

⁵⁴ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 2—148 об.

Дер. Усяцкой «ясашный»
Петр Зяболоцков
Села Ново-Енисейского
«ясашный» Иван Голых
Дер. Ажинской «ясашный»
Иван Кузовников
Дер. Евдокимовой «ясашный»
Иван Суртаев
Бийский солдат Егор Яринцов

Дер. Чемровки «ясашный»
Федор Табакаев
Бийский батальонный цирюльник
Василий Манойлов (2-м браком)
Бийский солдат Степан Казанцов

Новиковского маяка отставного драгуна
дочь

г. Бийска солдатская дочь

Той же деревни «малолетка» дочь

Той же деревни крестьянская дочь
Новокрещеной вдовы Настасьи Лашутиных
(алтайки) дочь

Дер. Угреновой крестьянская дочь

Вдова «ясашного»

г. Бийска новокрещеного алтайца дочь

Из 10 браков 7—браки аборигенов-алтайцев с русскими девушками. Это свидетельствует о том, что смешанные в национальном отношении браки заключались не из-за малочисленности русских женщин в Юго-Западной Сибири, а вследствие сближения народов. Алтайцы, перенявшие русскую земледельческую культуру и русскую веру (браки с «иноверцами» православная церковь исключала), иногда стремились выходить замуж и жениться на русских⁵⁵. Процесс этот отмечался наблюдателями и в других районах Сибири⁵⁶.

Существенное значение при заключении браков крестьян и служилых людей интересующей нас территории имела «имущественная» гомогамия. В 1716 г. состоятельный крестьянин Леонтий Холдин объяснил сыну боярскому Алексею Бычкову, что желает выдать свою дочь замуж «за пожиточнова пашенного крестьянина, а не за убогова Андрея Опивохина»⁵⁷. И когда «девку» Холдину по распоряжению властей все же обменяли с «убогим» Опивохиным, в Кузнецке считали, что выдали ее «в замужество» «не к месту»⁵⁸. С. Гуляев свидетельствует, что в 40-х годах XIX в. родители невесты, прежде чем дать ответ сватам, «разведывали» «о качествах жениха, *его состоянии* (курсив мой.— Н. М.) и прочаго»⁵⁹. Впрочем, в этом отношении местный брак «сходствовал» с общероссийским. «Отдавая девушку замуж,— пишет по поводу браков в губерниях Европейской России А. Смирнов,— ея родители или родственники, также сама невеста, обращают внимание на состоятельность родителей жениха...»⁶⁰.

Однако в Юго-Западной Сибири отмеченная закономерность наблюдалась далеко не всегда. Иногда родители девушки предпочитали выдать ее за неимущего парня, с тем чтобы последний пошел к ним в «приймаки». Исповедные росписи за 1773—1777 гг. Кривошековской, Крохалевской, Чаусской, Умревинской церквей свидетельствуют, что семьи, в состав которых входили зятья — «приймаки», были здесь не столь уж редким исключением⁶¹. Наконец, сама молодежь, выбирая жениха или невесту, иногда переступала социальные границы. С этим, в частности, была в известной степени связана распространенность в Сибири браков «убегом» (о них смотри ниже).

Характерным явлением для сельской местности рассматриваемого региона следует считать деревенскую экзогамию. Д. Н. Беликов по это-

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33, л. 485.

⁵⁶ П. С. П а л л а с, Указ. раб., ч. 2, кн. 1, стр. 336.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 2 об.

⁵⁸ Там же, лл. 20—23.

⁵⁹ С. Гу л я е в, Указ. раб., стр. 3.

⁶⁰ А. С м и р н о в, Указ. раб., стр. 129.

⁶¹ ГАНУ, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 1—545.

му поводу пишет: «Приспевало в крестьянской семье время женить сына. Где взять невесту? В своей деревне. Но здесь или уже все давно перероднились, или невесты были разобраны. Нужно ехать в какое-нибудь отдаленное селение...»⁶². Объяснить институт деревенской экзогамии в Юго-Западной Сибири XVIII—первой половины XIX в. можно, пользуясь, к примеру, наблюдениями неизвестного автора, побывавшего в 50-х годах XIX столетия в округе г. Каинска⁶³. Оказавшись в деревне Петровой⁶⁴ (она же Нерпина), принадлежавшей до 1851 г. графу Ивеличу, а затем проданной И. Д. Асташеву, этот автор посетил дом крестьянского старосты. Он воспроизводит следующий диалог:

«— Большая у вас семья, тетка?— спросил я у хозяйки.

— Да таки дивно: батюшка с матушкой да две снохи, да два деверя, да три золовки.

— Отчего же золовок-то замуж не отдаете?

— Да две-то еще махонькия. Третья-то уж большая, да здешние женихи не сватаются, а на сторону отдавать нельзя...

— Отчего это у вас не отдают девок замуж за посторонних?— спросил я у хозяина, который... в это время... вошел в избу.— Разве барин запрещает?

— Нет, запрещать-то не запрещает, а... мы спрашивать-то не осмеливаемся...

— Так ведь у вас, я думаю, девки-то засиживаются?

— Да как не засиживаться. Сами-то вольных берем, а оне и сидят, за своих-то и выходить некуда: кругом родня. Все уж давно перероднились...»⁶⁵ (курсив мой.— Н. М.).

Таким образом, родственные связи, объединяющие жителей деревни, вызвали территориальную экзогамию. Однако строгое соблюдение обычая брать невест из других, соседних селений нарушалось в связи с непрекращавшимися на протяжении XVIII—первой половины XIX в. внутрисибирскими перемещениями населения.

Данные метрических книг также подтверждают существование в деревнях Юго-Западной Сибири экзогамии. Из 215 браков, зарегистрированных в 12 приходах Барнаульского духовного заказа в 1762 г., лишь в 43 случаях (20%) жених и невеста были из одного селения⁶⁶. В 1786 г. браки между односельчанами составили здесь только 21,3% от общего числа браков⁶⁷. С 1789 по 1820 г. в Кривошековской Николаевской церкви венчалось более 560 пар, причем 83% браков оказались «междеревенскими»⁶⁸. В приходе Крохалевской Введенской церкви за период с 1839 по 1842 г. в 110 случаях из 145 венчались согласно обычаю деревенской экзогамии⁶⁹. Процент эндогамных (внутри одного селения) браков оставался на протяжении всего периода достаточно стабильным. Немалая доля подобных браков приходилась на союзы жителей крупных сел, где родственные связи не имели всеобъемлющего характера, или на браки лиц мужского пола со вдовами и дочерьми недавних переселенцев⁷⁰. В отдельных случаях нарушение деревенской экзогамии было связано с заключением брака между родственниками. В 1739 г. томский священник Степан Копылов доносил митрополиту Антонию, что «... как в Томску, так и в уездах... многие... сродственников своих берут за се-

⁶² Д. Н. Б е л и к о в, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 92.

⁶³ «Из путевых заметок», «Амур», 1860, № 22, стр. 287—289.

⁶⁴ Деревня Петрова до образования Каинского округа входила в Тарский уезд.

⁶⁵ «Из путевых заметок», стр. 288—289.

⁶⁶ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 2 об.— 55 об.

⁶⁷ Подсчитано по данным ГАНО, ф. 92, оп. 1, д. 172, лл. 2—148 об.

⁶⁸ То же, ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об.— 248.

⁶⁹ То же, ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.— 322 об.

⁷⁰ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 102, лл. 2 об.— 55 об.; д. 172, лл. 2—148 об.; ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 4 об.— 248; ф. 117, оп. 1, д. 2, лл. 66 об.— 322 об.

бя»⁷¹. О существовании подобных браков говорят и постоянные напоминания церковных властей сельским священникам «о невенчании в возбраненных родства или свойства степенях браков»⁷². В некоторых документах XVIII—первой половины XIX в. приводятся конкретные факты нарушения священниками церковных постановлений о браке. В промемории из Томского духовного правления в Томскую воеводскую канцелярию от 19 августа 1756 г., в частности, сообщается, что «приходу... Уртамского крестьянин Иван Петров сын Киселев у разночинца Афанасия Сизикова без позволения ево увел дочь девку Агрипину, с которою де в городе Томску незнамо кем и обвенчан, а она де Иван Киселев с помянутою Сизиковой дочерью, что ныне жена, имеет плотское родство такое, что он, Киселев, от сестры, а она, Сизикова Агрипина, от брата... двоюродных, и потому он, Киселев, означенную жену свою понял в шестой степени, а в силу кормчей книги о браках повелено от плотского родства тоб понималась седмая со осмою степенью, а не пята с шестою, как они учинили меж собою...»⁷³. В 1797 г. подобный брак допустил священник Успенской церкви (крепость Становая Ишимской округи) Яков Куртуков⁷⁴. Случалось, крестьяне обходились в таких случаях и без обряда венчания. Так, крестьянин того же Уртамского острога Дмитрий Сороков вступил в невенчанный брак со «своячиной» Евдокией Енюковой⁷⁵. Вместе с тем браки между близкими родственниками в документах не зафиксированы. Н. Костров пишет, что по данным на 70-е годы XIX в. «ближайшия степени родства, при которых (томские крестьяне.— Н. М.) вступают в брак, суть 6-я и 5-я степени... было несколько ходатайств о разрешении браков в 4-й степени родства...»⁷⁶. По-видимому, и в XVIII—первой половине XIX в. крестьяне и служилые не считали родство в 4-й (и далее) степени препятствием к вступлению в брак. Ближайшее же родство дозволено было преступать, судя по сообщению А. Принтца, побывавшего в 1863 г. в Бухтарминской волости Томской губернии, лишь у «каменщиков» — своеобразной в этнографическом отношении группы русских поселенцев в долине Бухтармы: «Несмотря на ближайшее кровное родство, любовныя связи брата с сестрой, отца с дочерью и т. п. считаются дозволительными и называются „птичьим грехом“ по уподоблению птицам, вышедшим из одного гнезда»⁷⁷. Впрочем, сообщение Принтца можно принять лишь в качестве гипотезы, поскольку другие источники его не подтверждают.

Деревенская экзогамия и запрет браков между близкими родственниками были свойственны и крестьянам Европейской России. А. Смирнов констатирует, в частности: «... в народе вообще стараются, чтобы между вступающими в брак не было никакого родства...»; «.. до сих пор местами есть обычай брать невест из чужаго селения, а не из своего». В качестве примера он приводит Олонецкую и Симбирскую губернии, земли Войска Донского⁷⁸. Можно выявить, однако, в этом отношении некоторые особенности, присущие Юго-Западной Сибири. Брачный круг здесь был шире (в смысле запретов, связанных с родством). И. Тютрюмов сообщает, что в Европейской России запретными считались у крестьян браки в 7-й и даже в 8-й степени родства⁷⁹; зато в Юго-Западной Сибири более строго соблюдали деревенскую экзогамию. Последнее

⁷¹ Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири, М., 1867, стр. 312.

⁷² ГАНУ, ф. 92, оп. 1, д. 88, л. 10 об.

⁷³ ЦГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 47, лл. 2—2 об.

⁷⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1797 г., д. 172, лл. 1—7.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 633, оп. 2, д. 47, л. 1.

⁷⁶ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 13.

⁷⁷ А. Принтц, Каменщики ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г., «Записки ИРГО по общей этнографии», т. 1, СПб., 1867, стр. 581.

⁷⁸ А. Смирнов, Указ. раб., стр. 112, 116.

⁷⁹ И. Тютрюмов, Указ. раб., стр. 139.

объяснялось отчасти тем, что селения Юго-Западной Сибири — района, продолжавшего колонизоваться — были небольшими по численности населения и числу дворов⁸⁰. А в таких селениях соседские связи обычно совпадали с родственными.

«Одним из важнейших условий для вступления в брак считается согласие родителей», — пишет Н. Костров⁸¹. Действительно, родители (или заменяющие их лица) играли важную роль при заключении браков у крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Родительского благословения на брак, как отмечалось, требовала и церковь. Выйти замуж или жениться с согласия родителей, по мнению самих сибиряков, значило вступить в брак «добропорядочно»⁸². Но вместе с тем сплошь и рядом браки заключались и без родительского благословения. Иногда это происходило из-за вмешательства властей. Уже говорилось, что по их распоряжению, вопреки желанию отца, была выдана замуж за Андрея Опывохина кузнецкая крестьянка Холдина. Крестьянским приказчикам давались указы «смотреть, чтоб... пашенные крестьяне (имеются в виду крестьяне, обязанные обрабатывать десятинную пашню. — Н. М.)... меж собою женились и в замужество дочерей своих давали опричь иных чинов...»⁸³. Подобная политика способствовала консервации сословных ограничений брачного круга пашенных крестьян. Впрочем, в аналогичном положении оказывались и некоторые другие категории жителей: приписные крестьяне, «поселенные» крестьяне. Священник Бийской Успенской церкви Иоанн Соколов посылает в 1777 г. в Бийскую земскую избу «известие»: «...известно мне, в приходе моем заводского ведомства деревень Шубинской да Фоминской в замужество дочерей своих отдают за военные чины из отставных ...а как неизвестно... Колывановоскресенскаго горнаго начальства указам подтверждено, ведения заводскаго за отсутственные команды детей своих не отдавать...»⁸⁴. Нарушались на местах указы подобного рода и в отношении поселенцев. Подтверждая свое требование «посельничьих жен и девок за разных чинов (кроме за таковых же заселенных там посельников) не венчать», сибирский губернатор Д. Чичерин в послании к епископу Варлааму (1773 г.) вместе с тем констатировал, что в Томском уезде «из таковых... женок и девок некоторые вышли в замужество за посацких и завоцких крестьян и разночинцов»⁸⁵. Но все отмеченные нарушения не исключали произвола властей при заключении браков у крестьян. Впрочем, и «воинские чины» обязаны были иметь письменное разрешение от «начальства» при вступлении в брак⁸⁶.

Браки крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири в большинстве случаев заключались по любви (именно так объясняли мотивы своего поведения сами брачащиеся)⁸⁷. Поэтому при заключении браков неизбежными становились конфликты между родителями и детьми, нарушающими их волю, и получали распространение браки «убегом» («беглые свадьбы»). Впрочем, последние совершались и по другим причинам. В частности, Н. О. Осипов сообщает: «...крестьяне — особенно небогатые — женятся „убегом“, т. е. тайно от родителей; тайна эта, однако, не составляет для последних секрета... такая свадьба «убегом» избавляет

⁸⁰ М. М. Громыко, Указ. раб., стр. 91.

⁸¹ Н. А. Костров, Указ. раб., стр. 15.

⁸² ГАО, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 84.

⁸³ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 106.

⁸⁴ Там же, ф. 1402, оп. 1, д. 29, лл. 516—516 об.

⁸⁵ «Сибирский губернатор Д. И. Чичерин в переписке с духовенством», Тобольск, 1896, стр. 2—3.

⁸⁶ ГАО, ф. 92, оп. 1, д. 88, лл. 99—99 об.

⁸⁷ Вот как, например, крестьянин Лобанов (1743 г.) рассказывал о своем чувстве к «избраннице»: «...стал об той девке тосковать и, как ее не увидит, то жить не может, и давило завсегда у него сердце, и находило на ум...» (ТФ ГАО, ф. 47, оп. 1, д. 4434, л. 15).

жениха... от большей части расходов по угощению родственников и знакомых...»⁸⁸. Его наблюдение отчасти подтверждает и Г. Потанин⁸⁹. У раскольников подобные браки объяснялись их отношением к «супружеству» (на разных этапах истории раскола): одно время побег дочери с женихом из дома родителей считался обязательным элементом свадьбы⁹⁰. Потом, правда, положение меняется, но по традиции брачащиеся старообрядцы устраивали «беглые свадьбы». В первой половине XIX в. в ряде мест Сибири стало распространяться мнение, что единственно приличный способ жениться — это «скрасть девку». Так, одна из тобольских крестьянок объясняла М. Ф. Кривошапкину: «Да как это можно... выдавать девку, лишь бы сватья или сват пришел? Да ведь девка-то наша родимая; что же мы себя срамить станем, али девку срамить? Что мы голодом что ли уж сидим, когда девку добром, своими руками в чужие люди отдадим...». И с облегчением добавляла, что «теперь, слава-те Господи, принес отец небесный... с линии (укрепленная линия на юге Сибири.—Н. М.) молодца», он и «скрал девку»⁹¹.

Однако основную роль в данном случае играло «самовольство» детей, предпочитавших нередко брак с любимым человеком экономической выгоде. В 1773 г., например, «девица» из дер. Кротовой (Томский уезд) уговорилась «повенчаться уходом» с крестьянином Чановым и «пред браком заявила в духовном правлении, что она совершеннолетняя и желает повенчаться без дозволения родителей, потому что за своими домашними работами родители не позволяют ей выходить в замужество»⁹².

На помощь родителям приходили в ряде случаев власти. Колывано-Воскресенское горное начальство неоднократно рассылало указы «во все заводского ведомства остроги, слободы и деревни, требуя, чтобы крестьяне «к бракосочетанию усилно девок отнюдь не уводили», но «по порятку, как по закону подлежат, сватались у родителей тех девок»⁹³. Однако эффект оказывался незначительным: документы пестрят сообщениями о нарушении указов и церковных правил. В 1716 г. кузнецкий крестьянин Иван Емельянов «подговорил» дочь земляка Семена Беляева и «подговоря, бежал в Ильинское село», где их и обвенчал священник Федор Андреев⁹⁴. В 1732 г. бердский крестьянин (Кузнецкий уезд) Козьма Рагозин «зговорил... за себя в замужество по любви» крестьянскую «девку» Оксинью Жичкину и увез ее из родительского дома, но в пути был пойман. Невесту вернули отцу. Последний жестоко отомстил Рагозину. «... ночью,— жаловался неудачливый жених,— нашли на дом ево разбоем означенной девки дядя Яков Жичкин, братья Гаврило да Еким Плотниковы да сторонния Иван Калачев з братом Козмою, с сыном Иваном, Михайло Восенин и приступали ко двору ево всю ночь и раскладывали перед окнами огонь, и окна из избы выбили, и у сеней двери выломали, и... мать ево (Рагозина.—Н. М.) бранили всякою неподобною... бранию, и завезали назат руки, и всю ночь водили по улицам, и мучили всячески, и выломали у ней руки, и сажали к себе под караул без ведома судеиского, и взяли у него ж лошадь гнедую»⁹⁵. Иногда родственники невесты настигали беглянку-дочь с женихом уже в цер-

⁸⁸ Н. О. О с и п о в, Ритуал сибирской свадьбы, «Живая старина», вып. 6, СПб., 1893, стр. 97.

⁸⁹ Г. П о т а н и н, Полгода в Алтае, «Русское слово», 1859, № 12, стр. 292.

⁹⁰ В. Ф у к с, О сводных браках в историческом отношении, «Этнографический сборник, издаваемый ИРГО», СПб., 1862, № 5, стр. 6.

⁹¹ А. С м и р н о в, Указ. раб., стр. 210—211.

⁹² Д. Н. Б е л и к о в, Первые русские крестьяне-насельники..., стр. 95.

⁹³ ГАНО, ф. 104, оп. 1, д. 4, лл. 90—90 об.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 127 об.

⁹⁵ Там же, ф. 1401, оп. 1, д. 4, лл. 330—330 об.

кви, и тогда происходили «в храмах» «свалки, драки... и огромные кошунства»⁹⁶.

Страх перед расправой не останавливал молодых. «Подговаривает» и уводит тайно из дома родителей «девку» Анисью Мамаеву белоярский крестьянин Иван Полковников (1758 г., Кузнецкий уезд)⁹⁷. Крестьянин Спиридон Аекишин с помощью своего брата похищает у жителя дер. Орской (Бийское ведомство) Дмитрия Казанцова дочь Агафью (по «согласию» с нею). Обвенчаться им не позволило вмешательство матери невесты, которая «оную дочь свою... отбила и в дом свой привела»⁹⁸. Браки «убегом» наблюдались и в служилой среде, но реже. Так, в 1782 г. убегает с женихом Иваном Сергушиным из родительского дома дочь отставного драгуна Мавра Бабушкина (Бийское ведомство)⁹⁹. Есть прямые указания на то, что «убегом» венчались иногда люди, занимавшие далеко не равное социальное положение. В 1759 г., например, дочь зажиточного разночинца Ивана Редрова (дер. Большая Ояшская Томского уезда) Анисья «уговорила» выйти замуж без родительского согласия за Алексея Асанова, который «кормился» тем, что «жил в работе у разных чеуских обывателей из найму»¹⁰⁰.

Д. Н. Беликов сообщает, что не всегда похищение девушки происходило с ее согласия, и в подтверждение приводит примеры насильственного «повенчания» крестьянок¹⁰¹.

Брак «убегом» — не чисто сибирское явление: он был характерен и для Европейской России¹⁰², но не получил там столь широкого распространения. «Случай же, когда уход совершается действительно без предварительного согласия родителей... в крестьянском быту весьма редки...», — пишет С. В. Пахман¹⁰³. За исполнением родительской воли при заключении браков в Европейской России строго следила церковь. В Сибири же священники первыми нарушали брачно-правовые нормы. При их прямом содействии брак «убегом» — без родительского благословения — был распространен здесь особенно широко. В 1760 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства жаловалась сибирскому митрополиту Павлу, что священники Бердского острога «из немалой платы» венчают крестьян на «уводных» от родителей «девках»¹⁰⁴.

Охотно благословляли «беглые свадьбы» священники Николаевской Покровской церкви (Ялуторовский уезд) Лаврентьев и Серебряников; Усть-Тарской церкви (Тарский уезд) — Матфей Кокоулин; Становой Успенской (Ишимская округа) — Яков Куртуков и мн. др.¹⁰⁵ При этом нарушались правила о месте и времени венчания (производилось оно иногда не в церкви, а в частных домах и, как правило, ночью); об обязательном присутствии при обряде других церковнослужителей и свидетелей (священник мог «свенчать» беглецов и один).

Не соблюдали священники и других норм, установленных Кормчей книгой и законодательством. Почти всегда священник, венчавший брак «убегом», пребывал «в пьяном образе». К чему сводился подчас обряд венчания в Сибири, говорит, например, дело о браке ялуторовского крестьянина Григория Микрюковского (1806 г.). Он дал священнику Зудилову 3 рубля 25 копеек и попросил «свенчать» его в церкви с «девкой»

⁹⁶ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 94.

⁹⁷ ГАО, ф. 104, оп. 1, д. 4, л. 90.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 33, лл. 639—639 об.

⁹⁹ Там же, д. 34, лл. 616—620.

¹⁰⁰ ГАО, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 46.

¹⁰¹ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 93.

¹⁰² С. В. Пахман, Указ. раб., стр. 56.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ТФ ГАО, ф. 156, 1760 г., д. 57, лл. 1—2.

¹⁰⁵ Там же, 1770 г., д. 62, лл. 1—11; д. 1765 г., д. 97, лл. 1—2; 1797 г., д. 272, лл. 1—4; 1810 г., д. 45, лл. 1—17 и др.

Дрягиной. На это «священник и дьякон Игнатьев сказали, что для чего в церкви венчать, можно-де законным браком свенчать и в доме ево, Зудилова, но не знавши он, Микрюковский, законного положения, думал, что таковое свенчание и справедливо... священник же Зудиллов надел на себя ризу, читал молитву, и вместо венцов приказал как ему, Григорью, так и Катерине (невесте.— Н. М.) держать на головах по образу, а напоследок, обводя округ стола раза с три, и сказали им, Микрюковскому и той Катерине, что оные законно свенчаны и жить можно...»¹⁰⁶.

Следует отметить, что «убегом» в Юго-Западной Сибири выходили «в замужество» и женщины. Но воровать их женихам приходилось уже не у родителей, а у мужа. В 1750 г. крестьянин Ефим Кондаков (Кузнецкий уезд) «подговорил» жену белоярского жителя Василья Шурыгина и бежал с нею из Белоярской слободы¹⁰⁷. В 1777 г. бежали «неведомо куда» крестьянин деревни Чашинской (Томский уезд) Никифор Нарымской и его «избранница» — жена живущего в той же деревне мещанина Ивана Тулумова¹⁰⁸. Бросив первую жену, житель деревни Ордынской Алексей Соловьев (Томский уезд, 1738 г.) «бежал из оной деревни, а с собою воровски увел» жену земляка Андрея Пастухова¹⁰⁹. В 1771 г. бежали от своих супругов крестьянки дер. Секисовки (Змеиногорское ведомство) Варвара Онуфриева и Авдотья Андреева. Первая вышла в «новое замужество» за мастерового Степана Пестрякова, вторая — за крестьянина Ивана Зажигалова¹¹⁰. В 1750 г. вышла «убегом» замуж за солдата Петра Вторушина томская крестьянка Мария Никифорова. Брак был оформлен в церкви Чаусского острога. Перед венчанием «замужняя невеста» «для отвода глаз у причта» заплела себе косу по-девичьи¹¹¹.

Вообще ни крестьяне, ни служилые Юго-Западной Сибири не считали брак «союзом навеки», поэтому уход от мужа или жены, фактические разводы, сопровождавшиеся вступлением в новый брак, были заурядным явлением в XVIII — первой половине XIX в.¹¹² Такие разводы наблюдались и в Европейской России, но опять-таки не так часто¹¹³. Барнаульский протоиерей Симеон Мефодиев писал митрополиту в Tobольск в 1750 г.: «...здесь такое место, якобы и греха в том не имеют, что от живяя своя жены понять другую венчанием же, тем похвалу себе имеют...»¹¹⁴. Иногда прежний муж или жена получали выкуп от «молодоженов», давая им в свою очередь «отступное письмо»: «1744 году февраля 28 дня Ишимского дистрикту... крестьянин Сидор Иванов сын Чюркин... дал жене моей... которая ныне имеетца в замужестве ж... за казаком Ивановом Васильевым сыном Баженовым в том, что мне впредь на нея не просить и от него, Баженова, не возвращать, ещели будет какой от духовенства об оном развод, то повинны мы все собою очищать...»¹¹⁵.

Мы не можем, однако, согласиться с Н. М. Ядринцевым, который считает «непрочность семейных уз» характерной чертой быта сибиряков в XVII—XVIII вв. Народная этика разрешала разводы и вторые браки только в том случае, если к этому был основательный повод. Сопоставление данных дозорных и переписных книг начала XVIII в. с мате-

¹⁰⁶ ТФ ГАТО, ф. 156, 1806 г., д. 4, лл. 5—7.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1401, оп. 1, д. 14, л. 13.

¹⁰⁸ Там же, ф. 1402, оп. 1, д. 29, л. 146.

¹⁰⁹ ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 49.

¹¹⁰ Д. Н. Беликов, Первые русские крестьяне-населенники..., стр. 96.

¹¹¹ Там же, стр. 95.

¹¹² Там же, стр. 95—99; ГАНО, ф. 109, оп. 1, д. 6, лл. 167—187. Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири..., стр. 311—312.

¹¹³ И. Тютрюмов, Указ. раб., стр. 155—156; А. Смирнов, Указ. раб., стр. 97—98.

¹¹⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1750 г., д. 106, лл. 13—17.

¹¹⁵ Там же, д. 122, л. 8.

риалами исповедных росписей и метрических книг¹¹⁶ показывает, что, как правило, первый брак у крестьян и служилых людей оставался единственным.

«По народному представлению загробная жизнь имеет во многом сходство с земной. После страшного суда в селении праведников муж будет жить вместе с своей первой женой... Вследствие такого представления о загробной жизни, девушки неохотно выходят замуж за вдовцов», — пишет Е. И. Якушкин¹¹⁷. Вряд ли это наблюдение применимо к рассматриваемой нами территории и эпохе. Ведь, как было сказано выше, брак здесь не считался «союзом навеки». Хотя, разумеется, выход замуж за человека, еще не состоявшего в браке, предпочитался браку со вдовцом — и в силу разницы в возрасте, и из-за нежелания женщины иметь дело с чужими детьми. В то же время на вдовах (если они не были в престарелом возрасте, имели достаточное «домообзаводство» и малолетних детей) охотно женились и «первобрачные» молодые люди¹¹⁸. Крестьяне и служилые-земледельцы вообще стремились к возможному расширению своих семей, в том числе и за счет приемных детей. Поэтому считалось выгодным жениться на вдове с детьми. К тому же дети были залогом того, что новый брак не окажется бесплодным.

Боязнь бесплодного брака заставляла иногда будущих супругов вступать в «сожительство» до формального заключения брака: венчания и свадьбы¹¹⁹.

Следует оговориться, что церковное благословение (как и родительское) не считалось обязательным: «невенчанные» браки были достаточно распространенным явлением¹²⁰, особенно у старообрядцев. «Не признавая православного священства», — пишет Н. М. Ядринцев, — они «часто не венчаются и живут сводными и гражданскими браками», благословляемыми «стариками или раскольническими священниками»¹²¹. Не стоит, впрочем, думать, что все раскольники обходились без венчания в церкви. «За браковенчанием раскольники нашего края, — сообщает Д. Н. Беликов о Томском уезде, — должны были поневоле относиться к православной церкви, так как браки, заключенные в самом расколе, в горном ведомстве не признавались или признавались только у записных раскольников и то с величайшим трудом»¹²².

Крестьяне и служилые, считавшиеся православными, обходились без венчания по разным причинам: из-за непомерных взяток, взимаемых священнослужителями, и отдаленности церквей от мест жительства крестьян; при выходе замуж за беглых и пр. Чаусские крестьяне, казаки и разночинцы в 1756 г. жаловались на священников Ильинской церкви: «... попы ваши и дьякон с причетники им великие обиды и разорении чинят и обирают имение... за венчанные памяти всегда не менее с нас берут... рублей от 6 до 10 за первой брак и скотом и хлебом обирают и без того не венчают, и более недели живем в Чеуском и без венчания уезжаем в дом свой...»¹²³. Священники, как отмечалось, довольно легко на-

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1279 (по описи Н. Н. Оглоблина), лл. 3—64 об.; кн. 1371, лл. 2—590; кн. 1182, лл. 7—400; кн. 1611, лл. 1—293 об.; ГАНУ, ф. 92, оп. 1, д. 30, лл. 1—545; ф. 133, оп. 1, д. 2, лл. 2—131 и др.

¹¹⁷ Е. И. Якушкин, Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия, «Этнографическое обозрение», 1891, № 2, стр. 5.

¹¹⁸ ГАНУ, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 139; ЦГАДА, ф. 1402, оп. 1, д. 23, лл. 342—345; ф. 1134, оп. 1, д. 5, лл. 76—81 об.

¹¹⁹ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 12, лл. 318—319; ТФ ГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 93, лл. 1—3; 1770 г., д. 62, лл. 1—3; Н. Костров, Указ. раб., стр. 103.

¹²⁰ Д. Н. Беликов, Старинный раскол в пределах Томского края..., стр. 63; Н. Костров, Указ. раб., стр. 75; ТФ ГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 93, лл. 1—3.

¹²¹ Н. М. Ядринцев, Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ, «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. 2, Омск, 1880, стр. 99—100.

¹²² Д. Н. Беликов, Указ. раб., стр. 55.

¹²³ ГАНУ, ф. 109, оп. 1, д. 1, л. 238.

рушали правила, но за это брали дополнительную плату. Неудивительно, что некоторые крестьяне и служилые в подобных случаях предпочитали обходиться без посредничества церкви.

Разлучить «невенчанных» супругов было не так-то просто: на их стороне стояла местная община. В 1760 г., например, крестьянин Филипп Янышев (Барнаульское ведомство) жаловался тобольскому митрополиту, что жена его «зжилась блудно» с крестьянином Ильей Колпаковым и «живет с ним как муж с женой неразлучно» более 10 лет, от «которого их беззакония были и дети рождаемы». «И хотя,— продолжал Янышев,— о них и объявлено было бывшим старостам Никифору Полковникову и Андрею Кормину, которые их и наказывали, токмо разлучить никак не могли, и десятникам той деревни по приказу их было подтверждено, чтоб ево жену в той деревне не держать, но выслать к нему, токмо неведомо для чего ими и поныне выслано к нему не было...»¹²⁴.

Заметим, что «невенчанные» браки случались и в Европейской России, но строгие меры со стороны церковных властей не давали им здесь особенно распространиться¹²⁵.

Народное сознание допускало и брак без свадьбы. В частности, не всегда сопровождалась свадебными обрядами браки «убегом». В подобных случаях эти обряды если и совершались, то в значительно измененном и сокращенном виде¹²⁶. Но все же, как правило, и в XVIII и в первой половине XIX в. у крестьян и служилых людей создание новой семьи начиналось со свадьбы¹²⁷.

Основываясь на работах С. И. Гуляева, Н. М. Ядринцева, Н. А. Кострова, Н. О. Осипова, Д. Языкова, С. В. Пахмана, В. И. Семевского, А. Смирнова¹²⁸, можно сделать вывод, что в Сибири не сложилось особого типа свадьбы, существенно отличающегося от свадьбы крестьян центра страны, хотя определенная специфика (сохранение в большем числе «древнейших» элементов и пр.) у нее была.

В целом рассмотренный материал позволяет выделить некоторые характерные черты брака крестьян и служилых людей Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.: относительно высокий брачный возраст; отсутствие существенной возрастной разницы между супругами; наличие деревенской экзогамии; нередкие нарушения социальных ограничений брачного круга; сосуществование имущественных и личностных мотивов брака; необязательный характер родительского и церковного благословения при вступлении в брак и допущение фактических разводов; слабая (в сравнении с другими районами Сибири) распространенность браков с аборигенным населением. Многие из отмеченных черт сближают местный брак с крестьянским браком Европейской России. Однако в Сибири они выражены гораздо ярче. Объясняется это спецификой социально-экономических условий, демографической ситуации в крае, политики властей, состояния церковного аппарата. Слабость последнего приводила к тому, что при сохранении за официальным брачным правом ведущей роли обычай позволял сибирякам существенно отступать от него.

¹²⁴ ТФ ГАТО, ф. 156, 1760 г., д. 93, лл. 1 об.—2.

¹²⁵ А. Смирнов, Народные способы заключения брака, М., 1878, стр. 22—23.

¹²⁶ Г. Потанин, Полгода в Алтае, «Русское слово», 1859, № 12, стр. 292; Н. М. Ядринцев, Указ. раб., стр. 26.

¹²⁷ С. Гуляев, Указ. раб., стр. 1—2; ГАНО, ф. 105, оп. 1, д. 2, л. 45; ЦГАДА, ф. 1134, оп. 1, д. 4, л. 124; д. 1402, оп. 1, д. 20, л. 5.

¹²⁸ С. Гуляев, Указ. раб.; Н. М. Ядринцев, Указ. раб.; Н. А. Костров, Указ. раб.; Н. О. Осипов, Указ. раб.; Д. Языков, Изыскание о старинных свадебных обрядах у русских, «Библиотека для чтения», т. 6, 1834, стр. 1—36; А. Смирнов, Указ. раб.; С. В. Пахман, Указ. раб.; В. И. Семевский, Указ. раб.

**MARRIAGE AMONG RUSSIAN PEASANT AND MILITARY POPULATION
OF SOUTH-WEST SIBERIA IN THE XVIIIth AND THE FIRST HALF
OF THE XIXth CENTURY**

Living conditions of the peasantry and of the military class (serving and retired cossacks, soldiers, dragoons and their descendants) in South-Western Siberia in the XVIIIth and in the first half of the XIXth century were conducive to the rise of specific forms of marriage. This specificity was not, however, manifested in so-called sexual freedom as has been affirmed by pre-revolutionary researchers (P. S. Pallas, N. A. Kostrov, S. S. Shashkov and others). Marriage among the peasantry and the military class in the region adhered to the main forms characteristic of marital relations in feudal times, but had acquired a certain local tint. The occurrence of socially recognized free alliances (marriages without a church wedding) side by side with «legitimate» marriages was more frequent than in European Russia; marriages usually took place at a comparatively late age (approximately equal for men and women) — over 20; quite often there was no blessing by parents and relatives; village exogamy, aimed at preventing marriages between blood relations and affinity relations, appears to have been more widespread than in European Russia. Since marriages with the indigenous population were rare, their marriage customs exerted little influence over the family life of Russians. Common law and church laws were combined in Russian marriage customs both in the country as a whole and locally; but in Siberia the former played a more important role owing to the weakness of the church organization there.
